

Однажды раздался телефонный звонок с незнакомого номера.

— Алло, это Шэньшэнь?

Линь Шэнь мгновенно насторожился и, напрягшись, спросил:

— Кто это?

— Я хозяин квартиры, которую снимает господин Линь Исин. Он сейчас в городской больнице, в реанимации. Вы единственный контакт в его телефоне, поэтому...

Линь Шэнь занес номер Линь Исина в черный список, поэтому домовладельцу пришлось звонить со своего личного телефона.

— Ха, реанимация? — Линь Шэнь издал холодный смешок. — Еще не сдох?

На том конце провода на две секунды воцарилась тишина: очевидно, там не ожидали услышать столь жестокий ответ.

— Я не мошенник! Я его арендодатель! Он пытался покончить с собой. Когда я открыл дверь своим ключом и вошел, вся комната была в крови, он уже был в состоянии шока. Сейчас его реанимируют, ситуация критическая, под угрозой жизнь. Если не верите, я могу прямо сейчас сфотографировать и прислать вам...

Хорошо, что хозяин квартиры оказался порядочным человеком. Иначе кто стал бы терпеть такое отношение и еще пытаться что-то вежливо объяснить.

Пальцы Линь Шэня, сжимавшие телефон, невольно побелели. Помолчав немного, он равнодушным тоном произнес:

— Я сейчас приеду.

Линь Шэнь поймал такси, и всю дорогу его терзало беспокойство.

На самом деле, под этим раздражением скрывалась тревога. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним вставал окровавленный Линь Исин. Он видел, как тот лежит в луже крови, свернувшись калачиком, с таким же тоскливым и отчаянным взглядом, как в прошлый раз.

Псих, Линь Исин — настоящий сумасшедший.

Уперся рогом... Ну к чему это? Стоит ли оно того? Сколько людей в мире безответно влюблены, зачем же устраивать эти драмы с жизнью и смертью?

Линь Шэнь злился, но ничего не мог с этим поделать, оставалось лишь терзаться в одиночестве.

Когда он наконец добрался до больницы, свет над дверью реанимации все еще горел. В пустом коридоре были только он и арендодатель. Линь Шэнь поблагодарил мужчину, и тот еще раз в подробностях описал состояние, в котором нашел Линь Исина. По его взволнованному тону и выразительной мимике Линь Шэнь понял, насколько ужасной была картина самоубийства.

Линь Шэнь сел на стул, раздраженно вытащил из кармана сигарету и ушел в специальную комнату для курения.

Линь Исин — извращенец. Извращенец с патологическим чувством собственности и жадой контроля. Он причинил вред восьмилетней Хэ Жаньжань, он опозорил его на фестивале искусств, а в этот раз — опоил и приковал к кровати.

Любой нормальный человек не смог бы этого принять. Тем более что Линь Шэнь никогда в жизни не думал о том, чтобы быть с парнем. Для него это было чем-то за гранью понимания.

Поэтому, как ни посмотри, ему нужно держаться от Линь Исина подальше.

Может, со временем Линь Исин забудет его. Нет ничего такого, что не стерлось бы со временем.

Линь Шэнь сделал глубокую затяжку и долго размышлял. Выйдя из курилки, он вернулся в коридор, сел на место и, достав телефон, вбил в поисковик: как вылечить гея?

Интерфейс «Байду» мигнул и выдал ответ: Скорее поверю в то, что свинья залезет на дерево, чем в то, что гея можно переделать!

Линь Шэню захотелось вытащить поисковик из телефона и избить его. Мир был до того удивительным, что это вызывало лишь раздражение.

Спустя несколько часов двери реанимации открылись, и Линь Исина, пребывавшего в беспомощности, перевезли в отделение интенсивной терапии. Линь Шэнь где-то читал, что реанимация — это когда врачи делают все, что в их силах, а интенсивная терапия — когда остается уповать лишь на волю небес.

Линь Шэнь сидел у кровати, разглядывая лицо Линь Исина. Казалось, он никогда раньше не смотрел на него по-настоящему. Да и вообще, за все эти годы — включая те двадцать лет в прошлой жизни — он ни на кого не смотрел внимательно.

Он, как и Линь Исин, был сиротой. Разница была лишь в том, что его никто не усыновил, да и характер у него был полной противоположностью. Он был солнечным, толстокожим и беззаботным. Возможно, подсознательно понимал: чувствительным людям суждено страдать. А он не хотел тяжелой жизни. Поэтому лучше жить проще, свободнее, чтобы была еда, сон и здоровье — этого достаточно.

Линь Шэнь смотрел на Линь Исина: щеки без единой капли крови, скулы острые, вид болезненный и мрачный, от него веяло смертью. А теперь, из-за тяжелых ран, в нем проглядывала какая-то хрупкость. Эта болезненная красота в каком-то смысле вызывала жалость.

Линь Шэнь действительно чувствовал укол жалости, но прекрасно понимал: это лишь остатки их многолетней привязанности. Этот человек рос вместе с ним целых девять лет. Он не мог просто отмахнуться от него, как от назойливой гусеницы.

Линь Шэнь вздохнул.

Линь Исин, зачем же так мучиться...

Когда Линь Исин очнулся, Линь Шэнь сидел у кровати, согнувшись, и спал, прислонившись к матрасу. Теплое солнце пробивалось сквозь листву деревьев за окном, озаряя спину и профиль Линь Шэня.

Линь Исин долго моргал, прежде чем осознал: он жив.

Он приложил столько усилий, был полон решимости, но, оказывается, его все равно вытянули обратно в этот мир.

Он медленно и с трудом протянул руку, осторожно, дрожащими пальцами потянулся к лицу Линь Шэня.

Нежно, украдкой.

Прохладные кончики пальцев скользнули по лбу, опустились на красивые брови, медленно поднялись к высокой переносице и, наконец, остановились на губах, едва ощутимо поглаживая их.

Линь Исин нежно и с глубоким чувством очерчивал черты лица Линь Шэня, словно великий художник, выверяющий каждый штрих, вкладывая в это всю свою душу.

Почему он его не любит? Почему так хочет уйти...

Линь Шэнь редко спал крепко, но даже так ему снился туманный сон. Во сне Линь Исин все время был у него за спиной, и куда бы он ни пошел, он не мог скрыться из его поля зрения...

Это удушающее чувство давления заставило Линь Шэня проснуться.

Хотя Линь Исин быстро убрал руку, как вороватый котенок, растерянно и напряженно, Линь Шэнь все равно почувствовал его прикосновение.

Линь Шэнь притворился, что ничего не заметил, и спокойно взглянул на него:

— Врач сказал, у тебя упадок сил. Ты голоден?

— Нет упадка.

Ресницы Линь Исына дрогнули, очевидно, от того, что Линь Шэнь заговорил с ним столь «нежно». Хотя это нельзя было назвать настоящей нежностью, но отсутствие ярости, гнева и отвращения было достаточным, чтобы Линь Исин почувствовал заботу.

— Я спросил, голоден ли ты, а не про твой упадок сил.

Темперамент у Линь Шэня был отнюдь не ангельский, и в этот раз тон стал заметно резче.

Лежащий на кровати Линь Исин с трудом покачал головой, боясь разозлить Линь Шэня:

— Не голоден.

— Когда ты мотаешь головой, ты слышишь шум воды?

Линь Исин не понял, к чему это, но спросить побоялся, лишь тупо уставился на него. Выглядел он при этом по-настоящему глупо.

— У тебя что, вода в голове? Зачем делать такие идиотские вещи? — Линь Шэнь приподнял бровь.

Линь Исин потратил полминуты, чтобы осознать, что предыдущая фраза была шуткой, и поэтому... он послушно, хоть и скованно, выдавил из себя улыбку.

Идиотскую улыбку. Так, по крайней мере, подумал Линь Шэнь.

— Пойду куплю тебе чего-нибудь поесть, — решил он, полагая, что Линь Исин все-таки должен быть голоден.

Стоило ему это сказать, как Линь Исин поспешно произнес:

— Не уходи.

Линь Шэнь мысленно додумал следующую фразу: Я просто хочу посмотреть на тебя...

Ему было лень разбираться с этим парнем:

— Если что нужно, нажми на кнопку у кровати. Я иду за едой, чтобы тебя подкормить.

Линь Исин послушно остался лежать, с обидой глядя в спину уходящего Линь Шэня.

Линь Шэнь не сказал родителям об этом инциденте, иначе, если бы они спросили, почему Линь Исин пытался покончить с собой, его чувства могли бы раскрыться. Поэтому Линь Шэнь не стал отпрашиваться, а просто прогуливал школу. Он учился в выпускном классе, до экзаменов оставались считанные месяцы. Успеваемость была средней, желания учиться дальше — никакого, и куда поступать, он даже не думал.

Линь Шэнь «ухаживал» за Линь Исином несколько дней, убедился, что тот в порядке, и вернулся к занятиям. С тех пор он больше не связывался с ним.

В середине мая он получил звонок от Линь Исина. Тот использовал новый номер, иначе Линь Шэнь точно не ответил бы.

— Шэньшэнь, я скучаю по тебе...

— Шэньшэнь, я скучаю по тебе... — у Линь Исина снова случился приступ, он не мог сдержать свою жажду Линь Шэня.

Он пытался убедить себя дать Линь Шэню время. Может, еще можно все исправить, может, Линь Шэнь вернется к нему, хотя бы в качестве брата. Но Линь Шэнь, судя по всему, был настроен порвать с ним окончательно.

Линь Шэнь помолчал:

— У меня скоро выпускные экзамены.

— А что после них?

— Разве у тебя до сих пор нет ответа?

На том конце воцарилось долгое молчание, пропитанное горем.

— Шэньшэнь, без тебя я умру...

— У тебя с головой не в порядке?! Никто не умирает от того, что кто-то уходит! — Линь Шэнь взорвался. Он не мог выносить этих слов о том, что Линь Исин не может жить без него.

В основе гнева лежал страх. Безысходный страх. Почему он должен так поступать? Почему обязан мучить его, вторгаться в его спокойную жизнь, заставлять принимать то, что он ненавидит и от чего его тошнит...

Линь Шэнь сбросил вызов. Ему показалось, что в трубке слышались гудки, но он не был уверен, кто положил трубку первым.

Неважно. Линь Шэнь раздраженно вздохнул.

Но уже через две минуты он, охваченный невыносимой тревогой, помчался к квартире Линь Исина.

Этот самоубийца, псих, сумасшедший.

Линь Шэнь был знаком с хозяином квартиры, поэтому взял у него ключ и открыл дверь.

Тяжелый запах крови словно сломил гордость Линь Шэня.

Когда он влетел внутрь, Линь Исин лежал на кровати, белые простыни были залиты красным, пятна крови расплзались, словно распускающийся цветок, причиняя боль глазам Линь Шэня. Прошлая рана едва начала заживать, но теперь была серьезно повреждена снова.

К счастью, до состояния шока и комы дело еще не дошло. Но на бледном лице не было ни капли жизни — он выглядел как мертвец, лишенный всякой надежды, погруженный в глубокий мрак и подавленность.

Атмосфера, пропитанная кровью и запахом смерти, была уродливой. Все человеческое, доброе и прекрасное было растоптано, словно невидимая рука затягивала их в бездну ада.

Линь Шэнь чувствовал бессилие, словно из него в одночасье выкачали все жизненные силы. Сохраняя остатки разума, он дрожащими руками набрал скорую. Он подошел к кровати, сжал запястья Линь Исина, пытаясь остановить поток теплой крови.

На грани жизни и смерти у Линь Шэня защемило в носу, и он разрыдался. Сидя на окровавленной постели, он прижал голову Линь Исина к себе:

— Линь Исин, я умоляю тебя, оставь меня... оставь меня в покое, прошу...

Он не мог вынести такой любви — этой гнетущей, тяжелой, удушающей любви, которая могла раздавить его, легко лишить дыхания.

Линь Исин обнял Линь Шэня окровавленными руками. Его голос был тихим, нежным и спокойным, без дрожи:

— Шэньшэнь, я так скучаю по тебе...

— И поэтому ты решил умереть? У тебя хоть капля гордости есть? Неужели нельзя перестать быть таким жалким?!

Жалким настолько, что даже хуже собаки.

Линь Шэнь смотрел на залитую кровью кровать, крупные слезы падали вниз, он захлебывался рыданиями:

— Линь Исин, я прошу тебя... можешь ты не устраивать этот цирк... Я правда не выдержу таких мучений... Ты хочешь, чтобы я до конца жизни винил себя? Хочешь держать меня в тисках вечно?

Он плакал, не в силах дышать. Почему он должен раз за разом мучить его таким отвратительным и беспомощным способом? Линь Исин мог играть со своей жизнью, но каждый раз заставлял его дрожать от страха... Сколько еще таких представлений будет? Этот кошмар уже разрушил все его психологические барьеры.

Это и есть то, что называют любовью? Думал ли Линь Исин хоть раз о нем? Такая любовь причиняла ему боль.

Линь Исин смотрел на Линь Шэня. Этот гордый человек редко плакал, за последние десять лет максимум, что он видел — это блестящие от влаги глаза. Но сейчас он рыдал так, что из горла вырывались всхлипы, плечи тряслись, а дыхание сбивалось.

— Шэньшэнь, не плачь... — прошептал Линь Исин, чувствуя боль в сердце.

Он поднял руку, чтобы вытереть слезы Линь Шэня, но кровь на его ладонях смешалась со слезами, и казалось, будто Линь Шэнь плачет «кровавыми слезами» — это выглядело пугающе и хрупко.

— Линь Исин... я умоляю, я правда умоляю... оставь меня, не мучай меня... — Линь Шэнь рыдал, уткнувшись в грудь Линь Исина. — Не причиняй мне боли... не заставляй меня винить себя... Я правда не могу это вынести... Ты твердишь, что любишь меня... так отпусти меня, дай мне хоть немного понимания и уважения, можно?

Весь мир Линь Исина сузился до рыдающего Линь Шэня. Он был похож на беспомощного ребенка, который жалко умолял его, своими слезами и разрывающим душу видом просил отпустить.

Разве Линь Шэню больно? А разве ему не больно?

Линь Исин слабо приподнял голову, касаясь носом носа Линь Шэня:

— Не грусти... Шэньшэнь, не грусти... Я был неправ, не плачь...

Тяжелый запах крови стоял в воздухе, кровь испачкала их лица. В этой гнетущей атмосфере смерти, способной сломить любую волю, Линь Шэнь произнес по слогам:

— Не пытайся больше покончить с собой... Никогда не делай таких глупостей... Слышишь? Линь Исин, если ты правда меня любишь, не делай этого больше...

Капля крови скатилась по щеке Линь Исина, он смотрел на Линь Шэня влажными глазами, словно тонущий человек. Если жизнь так мучительна, зачем вообще жить? Неужели у него хотят отнять даже единственный шанс на освобождение?

— Слышишь? Я хочу, чтобы ты пообещал мне: никогда больше так не делать. Иначе Линь Шэню будет больно, он будет винить себя и страдать. Если ты любишь человека, ты не должен причинять ему боль, понимаешь?

Если любишь — не причиняй боли.

Линь Исин обнял Линь Шэня, его губы дрожали:

— Шэньшэнь, я был неправ... я не буду причинять тебе боль...

— Пообещай... пообещай, что, что бы ни случилось, ты не покончишь с собой. Слышишь?

— Слышу, обещаю...

— Ты дал мне слово, так что никогда не смей нарушать его, понял?

— Понял...

Как бы больно ни было жить, ради Линь Шэня он будет терпеть.

Линь Шэнь дрожащими губами поцеловал его в лоб, слезы стекали по подбородку на лицо Линь Исина, смешиваясь с его собственными.

— Брат... помни об этом, никогда, никогда больше не повторяй этого...

Позже этот день будет приходить к ним во снах, переплетаясь в их сознании, и его невозможно будет прогнать. Линь Исин во второй раз попал в реанимацию. Линь Шэнь отмыл с себя кровь, но ему казалось, что этот запах преследует его повсюду.

В этот раз скрыть произошедшее от Линь Ваньнана и Чэнь Цинъюй не удалось. Они узнали о второй попытке самоубийства. Вспоминая странные записи в блокноте, они испытывали бессилие и страх.

Линь Исин — безумец...

Линь Шэнь словно за одну ночь стал другим человеком: замкнутым, молчаливым, долгое время ни с кем не сближался. Он вернулся в школу, начал прилежно учиться, готовясь к экзаменам.

В день, когда Линь Исина выписали, Линь Шэнь сам позвонил ему, чтобы справиться о самочувствии. Но не встретился.

Он вроде бы заботился о нем, но Линь Исин знал: они становились все дальше и дальше.

Наступил знойный июнь. Экзаменационные дни, как и в прошлые годы, выдались дождливыми. Учитель литературы шутил, что дождь в эти дни нужен для создания меланхоличной атмосферы.

Июнь — время прощаний для выпускников. После экзаменов наступили выпускные вечера.

С момента той попытки самоубийства Линь Шэнь знал, что Линь Исин следит за ним. Тот прятался в тени, тайно следовал за ним, украдкой наблюдал. К счастью, он больше не пытался опохмелить или приковать его.

Линь Шэнь был измотан, мысли путались, он не знал, что делать. Поэтому делал вид, что ничего не замечает, и продолжал жить своей жизнью.

В вечер выпускного Хэ Жаньжань призналась ему в любви. Она немного выпила и на глазах у всех друзей спела песню «Малыш». Она смотрела на Линь Шэня, в ее взгляде читались смущение, волнение и искренняя любовь.

— Линь Шэнь, когда меня похитили в восемь лет и ты ворвался, чтобы спасти меня, я поняла, что ты — мой герой, спасающий мир. Я люблю тебя десять лет, с детства до взрослой жизни, ты — вся моя юность. Поэтому, Линь Шэнь, ты станешь моим личным героем?

Линь Шэнь опустил глаза и тихо ответил:

— Прости.

Через неделю после этого случая с Хэ Жаньжань случилась беда. Ее похитили в переулке, а затем изнасиловали на съемной квартире.

Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй начали расследование. Преступник сначала не признавался, но потом твердо заявил, что его подговорил высокий, бледный мужчина. История транзакций по банковской карте также указывала на Линь Исина.

На самом деле, расследование было излишним — Линь Шэнь и так все понял.

Хэ Жаньжань получила тяжелую психологическую травму и лежала в больнице без сознания. Линь Шэнь навещал ее, ее родители рыдали у кровати, постарев за эти дни на десять лет.

Родители Хэ Жаньжань требовали вызвать полицию, они хотели добиться справедливости.

Линь Шэнь сказал:

— Не надо полиции.

За это Линь Ваньнань впервые в жизни с силой ударил его по лицу.

Он умолял, просил, настаивал: не вызывайте полицию, ни в коем случае. Этот юноша плакал, моля о помощи.

Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй, видя его состояние, начали переговоры с родителями Хэ Жаньжань.

О чем там можно было говорить? Конечно, о деньгах.

Сотни тысяч, миллионы, машины, квартиры — родители Хэ Жаньжань не уступали. Лишь когда у Чэнь Цинъюй покраснели глаза, они наконец согласились подождать: когда Хэ Жаньжань придет в себя, все будет зависеть от ее решения.

<http://bllate.org/book/24751/2923920>